УДК 94(47).083

С. В. Куликов

Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм[1]

Еще более зримым доказательством существования благоволения со стороны Николая II и Столыпина к Хвостову стало назначение его 23 августа 1910 г. нижегородским губернатором. Приехав в начале октября 1910 г. в Нижний Новгород, Хвостов выступил на первом официальном приеме в Царском зале Нижегородской губернской канцелярии с очередной программной речью. В ней он обязался «быть первым в губернии блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия», вспомнив о своей позиции на заседании Совета по делам местного хозяйства, а затем перечислил заслуги собственного рода перед Россией. «В силу этих традиций, — не без патетики провозглашал Хвостов, — мне хотелось бы служить до конца жизни, чтобы хотя последним рядовым отражать натиск врагов единой и неделимой России»[2]. По воспоминаниям Н. П. Полянского, в заключение новый губернатор заявил, что «партий социал-демократов и социал-революционеров он не боится, так как эти партии выступают с открытыми забралами, но “пресмыкающуюся” Кадетскую партию не потерпит». Приведенные слова, вспоминал Полянский, произвели «значительное впечатление» на слушателей Хвостова, поскольку среди них было «много кадетов»[3]. Нижегородский губернатор,

[1] Продолжение. Начало см. «Петербургский исторический журнал». 2014. № 2.

[2] *Макаров И. А.* Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород, 2005. С. 294–295.

[3] *Полянский Н. П.* Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909–1918. СПб., 1998. С. 41.

декларируя враждебность по отношению к местным кадетам, заранее осложнял свое положение, надеясь, видимо, на покровительство Столыпина, который к этому времени дистанцировался от кадетов окончательно, сделав ставку на Всероссийский национальный союз, т.е. на националистов.

Антикадетство Хвостова стало притчей во языцех: на одном из кадетских совещаний, состоявшемся 8 мая 1911 г. в Петербурге, нижегородский представитель заявил, что «в губернии губернатором теперь состоит известный Хвостов, и этим сказано всё о положении местных дел»[4]. Создается впечатление, что в своей идейной эволюции Хвостов дошел до крайне правого сегмента политического спектра. «Сегодня был у нас впервые Хвостов, — записала А. В. Богданович 3 ноября 1910 г. — Это — убежденный черносотенник»[5]. Однако в отличие от черносотенцев, которые до 1914 г. традиционно выступали как германофилы, Хвостов, уже будучи нижегородским губернатором, несмотря на свои легендарные «немецкие корни», в полном соответствии с идеологией русского национализма позиционировал себя как германофоба. Так, весной 1912 г. он официально обратился в Собственную канцелярию его величества по учреждениям императрицы Марии, ведавшую Нижегородским Мариинским институтом благородных девиц, где училась дочь Хвостова, с просьбой освободить ее от занятий немецким языком, и получил высочайшее согласие на это[6].

Во исполнение своей программной речи Хвостов вел «открытую борьбу» с нижегородским земством, по причине чего Столыпин неоднократно поручал товарищу министра внутренних дел генералу Курлову указывать губернатору «на недопустимость его действий»[7]. Представляется, однако, что претензии Столыпина к Хвостову имели не столько принципиальный, сколько личный характер: в это время выборным членом Государственного совета от Нижегородского губернского земского собрания являлся шурин премьера А. Б. Нейдгарт[8], который представлял также нижегородское дворянство на съездах Объединенного дворянства. «С дворянством, — характеризовал Полянский правление Хвостова в Нижнем, — он разошелся. С купечеством не сошелся»[9]. В ситуации самоизоляции Хвостову оставалось опираться на черносотенные низы — и он становится почетным членом Союза русского

[4] Протоколы Совещания думской фракции Конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии. 8–9 мая 1911 г. // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3-х т. М., 2000. Т. 2. С. 291.

[5] *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 491.

[6] *Макаров И. А.* Указ. соч. С. 299.

[7] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 159–160.

[8] Подробнее о нем см.: *Куликов С. В.* Нейдгарт (Нейдгардт) Алексей Борисович // Государственный совет Российской империи Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 180–181.

[9] *Полянский Н. П.* Указ. соч. С. 42.

народа, Нижегородского Святогеоргиевского общества хоругвеносцев и других право-монархических организаций[10].

По оценке Курлова, в Нижнем Хвостов «демонстративно стал на сторону крайних правых организаций, причем относился к ним не как губернатор, а как партийный человек, окружив себя сомнительными личностями»[11]. «Выбирать людей к себе в сотрудники, — писал о Хвостове и Полянский, — не умел»[12]. Султанов, однако, политическую ангажированность нижегородского губернатора однозначно отрицал. «Лишь только присутствие в нем огромного запаса такта, усиленного мягкой деликатностью, — подчеркивал Султанов, — спасали А. Н. Хвостова от безобразных крайностей, на какие отнюдь он не способен по своему существу и за которые он, прежде всего, сам каялся бы и краснел, но в трясину которых его неизменно влекли сопутствовавшие ему "шептуны"»[13]. Действительно, черносотенство Хвостова было во многом декларативным: с крайне правыми его сближали не столько общие цели, сколько общие враги.

На состоявшемся 19 февраля 1911 г. праздновании в Нижегородском губернском дворянском собрании 50-летнего юбилея освобождения крепостных крестьян губернатор, «приятно грассируя», сказал: «Сегодня исполнилось пятьдесят лет со дня освобождения крестьян Александром II, погибшим от предательской руки русских революционеров»[14]. Вообще, несмотря на свою идейную эволюцию, Хвостов оставался поклонником либеральных реформ Царя-Освободителя и прежде всего, как бывший судебный деятель, — судебной реформы 1864 г. «Вы знаете, господа, — говорил Хвостов в апреле 1913 г., выступая в IV Думе, — хотя бы из произведений наших великих писателей, как в России дореформенной, до реформ императора Александра II, велись дела, — вы знаете из народных пословиц: "не подмажешь — не поедешь", "сухая ложка рот дерет" и т.д., как у нас на Руси вкоренилось в наши нравы взяточничество»[15].

В марте и сентябре 1911 г. редактора нижегородской газеты «Козьма Минин» В. И. Киселева по решению местного суда заключали в тюрьму «за возбуждение вражды между отдельными частями населения России». Против редактора другой нижегородской газеты, «Минин Сухорук», Г. М. Стрелкова были выдвинуты обвинения по пяти пунктам, хотя его дело судьи и рассматривали при закрытых дверях[16]. Очевидно, Хвостов умел проводить разницу между своими политическими пристрастиями и необходимостью соблюдения

[10] *Макаров И. А.* Указ. соч. С. 296.

[11] *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 159.

[12] *Полянский Н. П.* Указ. соч. С. 42.

[13] *Султанов С. М.* А. Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.

[14] *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) // Российский архив. 1991. Т. 1. С. 167.

[15] Выступление А. Н. Хвостова. 5 апреля 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 461.

[16] *Макаров И. А.* Указ. соч. С. 297.

законности. «А.Н. Хвостов не реакционер, а консерватор, — писал о нем Султанов, — который, будучи губернатором, часто в интимных беседах признавался, что он готов даже признать умеренную либеральную реформу. А. Н. Хвостов говорил иногда, смеясь, что склонен скорее быть выборным администратором, чем получать назначение из Петрограда, что он хотел бы быть зависимым от выборного начала, чем от усмотрения отдельных канцелярских юпитеров»[17].

«Мнения о Хвостове в Нижнем, — вспоминал Полянский, — составились разные»[18]. По сведениям пристрастного Крыжановского, которому Хвостов перебежал дорогу к посту министра внутренних дел, его называли в Нижегородской губернии «Соловей-разбойник»[19]. Однако нижегородец Полянский ни о чем таком не помнил, делая положительный вывод о том, что в роли хозяина губернии Хвостов «во всех своих целях и намерениях был последователен и изумительно настойчив»[20]. П. Л. Барк, тоже имевший основания для пристрастного отношения к Хвостову, который, возглавляя МВД, стремился к замещению поста министра финансов собственным кандидатом, тем не менее, признавал, что, будучи нижегородским губернатором, Хвостов проявил «административные способность и энергию»[21]. Политический оппонент Хвостова, Н. В. Савич, также вспоминал, что в Нижнем Хвостов отличался «большою решительностью характера»[22].

Стиль властвования нижегородского губернатора обратил на себя внимание Николая II, который признавался, что знал Хвостова «по прошлому, когда он был губернатором... в Нижнем»[23]. «Государь знал о нем, — указывала Вырубова, подразумевая Хвостова, — как об энергичном губернаторе»[24]. Сам Хвостов вспоминал, что царь «очень ценил» его за губернаторский отчет о положении Нижегородской губернии, который Николай II «весь покрыл» собственноручными отметками[25]. Летом 1911 г. внимание монарха к Хвостову достигло наивысшей степени. В дневниковой записи за 1 июня 1911 г., сообщив о приеме министров утром, Николай II отметил: «Затем представлялись еще губернаторы»[26]. Судя

[17] *Султанов С.М.* Указ. соч.

[18] *Полянский Н.П.* Указ. соч. С. 41.

[19] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 132.

[20] *Полянский Н.П.* Указ. соч. С. 42.

[21] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 175. С. 65.

[22] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 76.

[23] Николай II — Александре Федоровне. 18 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

[24] *Вырубова А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 109.

[25] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001. С. 310.

[26] *Николай II.* Дневники (1894–1918). В 2-х т. М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 568.

по всему, именно во время этого представления нижегородский губернатор был принят императором «сидя, что, — вспоминал Хвостов, — считалось высшим знаком благоволения», причем разговор между ними «велся об общих предметах». Исключительное внимание Николая II к Хвостову упрочивало и то, что о нем говорили царю представители из его окружения. «Мне было известно, — вспоминал сам Хвостов, — от близких лиц, от иностранных посольств, что обо мне постоянно ведется разговор на охоте»[27]. Летом Николай II не охотился, однако в июне–июле 1911 г. совершал длительные плавания по финляндским шхерам с частыми высадками на берег, которые могли сойти за «охоту», причем императора постоянно сопровождал помощник начальника Военно-походной канцелярии царя флигель-адъютант А. А. Дрентельн, находившийся по жене в свойстве с Хвостовым[28]. Именно через Дрентельна, действительно являвшегося «близким лицом» к Хвостову, и могла происходить утечка информации. «Я знал, что в это время, — подразумевая лето 1911 г., показывал Хвостов, — ко мне относился в высшей степени благосклонно бывший император Николай II»[29].

Почему же летом 1911 г. нижегородский губернатор попал в фавор к императору? Дело в том, что именно тогда общее состояние здоровья Столыпина настолько ухудшилось, что он решил уйти с поста министра внутренних дел, оставив за собой только премьерство[30]. В свои преемники по руководству МВД Столыпин и прочил Николаю II «хозяина» Нижегородской губернии. «Мне его, — имея в виду Хвостова, говорил император дворцовому коменданту генералу В. Н. Воейкову в сентябре 1915 г., — рекомендовал покойный П. А. Столыпин, когда он (Хвостов. — *С. К.*) был нижегородским губернатором; когда Столыпин хотел уйти из Министерства внутренних дел и сделаться председателем Совета министров, он называл мне его кандидатом на пост министра внутренних дел»[31]. В 1911 г. Хвостов, несмотря на некоторые служебные разногласия с премьером (а их появление вполне естественно, поскольку оба отличались властностью), несомненно, как и в 1906 г., являлся «человеком Столыпина». Показательно, что в марте 1912 г. Витте отнес Хвостова к «губернаторам столыпинской эпохи»[32].

---

[27] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. В 7-ми т. М.–Л., 1924. Т. 1. С. 3, 4.

[28] *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 219–222.

[29] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. М.–Л., 1924–1927. Т. 1. М.-Л., 1924. С. 3.

[30] *Куликов С. В.* Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. К 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина. М., 2012. С. 112–114.

[31] Допрос генерала В. Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т. 3. С. 80.

[32] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 895.

Хвостов был поклонником государственной деятельности «незабвенного П. А. Столыпина», о чем публично заявил в мае 1913 г. «Покойный П. А. Столыпин, — сказал тогда Хвостов, — обладал всею полнотою власти, в его руках звучал весь административный аккорд, другого голоса из состава правительства не слышалось, и те из нас, которые имели честь быть его подчиненными, слыша его гордое "не запугаете", без колебаний подставляли свою грудь выстрелам революционеров и свою спину клевете Конституционно-демократической партии»[33]. Нельзя поэтому квалифицировать иначе чем как нелепый слух информацию Витте (услышанную им от неназванного источника) о том, что где-то в начале августа 1911 г. Хвостов якобы представил Николаю II, «вероятно, через Сазонова и Распутина», всеподданнейшую записку, в которой обвинял Столыпина в недостаточно решительной борьбе с революцией, предлагая физическое уничтожение всех революционеров[34]. Во-первых, Г. П. Сазонов исповедовал либеральные взгляды и отношения к записке с подобным содержанием иметь никак не мог, а во-вторых — к этому моменту Хвостов еще не был знаком с Г. Е. Распутиным.

Кандидатуру Хвостова в министры внутренних дел Столыпин, судя по всему, выдвинул перед Николаем II 3 июня либо 3 августа 1911 г., когда имел аудиенции у царя до и после поездки в свое имение Колноберже[35]. Монарх последовал совету премьера, но сделал это весьма своеобразно, решив обратиться к Распутину: 4 августа после 10-ти вечера «прибыл Григорий, — записал тогда царь, — и просидел с нами до 11 ½ час.»[36]. Старец имел у венценосцев репутацию знатока человеческих душ, а потому Николай II поручил Распутину съездить в Нижний Новгород и «посмотреть на Хвостова»[37], т.е. оценить его как человека. Здесь необходимо отметить еще раз, что ранее губернатор и старец знакомы не были, поскольку, согласно официальной справке, к 1913 г. Хвостов среди друзей Распутина не значится[38].

В поездке в Нижний Новгород Распутина сопровождал его поклонник, упоминавшийся выше Г. П. Сазонов, журналист и экономист, являвшийся «знакомым» не только А. Н. Хвостова, но еще его отца Н. А. Хвостова[39] — это, очевидно, стало еще одной причиной присоединения журналиста к старцу в роли попутчика. Сазонов ошибочно полагал, что скоро последует уход Столыпина не только с министерского, но и с премьерского поста, о чем и написал 18 августа 1911 г. Витте. В письме графу Сазонов сообщал, что царь уволит Столыпина

[33] Речь председателя Фракции правых Государственной думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г. при обсуждении сметы МВД. СПб., 1913. С. 4.

[34] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. С. 895.

[35] П. А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 358, 360.

[36] *Николай II.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 583.

[37] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т. 4. С. 162.

[38] Г. Е. Распутин глазами официальных властей // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 139–141.

[39] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 341.

после торжеств по поводу открытия памятника Александру II в Киеве, т.е. в начале сентября, и назначит руководителем МВД Хвостова, в связи с чем они, Сазонов и Распутин, едут в Нижний «переговорить по этому вопросу» с губернатором, от себя же журналист спрашивал у Витте — не согласится ли он стать премьером[40]. Заведомо неприемлемая для Николая II кандидатура Витте возникла не случайно: граф давно пытался использовать Распутина и Сазонова для своего возвращения к власти[41].

Перед отъездом Сазонов телеграфировал Хвостову в Нижний Новгород: «Будете ли Вы в ближайшее время в Нижнем? Одному человеку очень нужно Вас повидать». Губернатор ответил по телеграфу же утвердительно, и «через несколько дней» старец и журналист приехали в Нижний[42]. Их прибытие произошло «за неделю»[43] или «десять дней до убийства Столыпина», т.е. приблизительно в первой половине 20-х чисел 1911 г. Беседуя с Хвостовым наедине (Сазонов находился в другой комнате), Распутин объявил губернатору, что прислан из Царского Села непосредственно императором «посмотреть твою душу» и предложил Хвостову «место министра внутренних дел», заметив, что «Столыпин должен уйти»[44]. При этом, надеясь на получение Витте премьерства, Распутин поставил собеседнику лишь одно условие: «Быть наружно в холодных отношениях с Витте, но вполне подчиняться ему»[45]. Хвостов не воспринял Распутина всерьез и не выказал гостю особого внимания.

Уже после назначения Хвостова управляющим МВД, 29 сентября 1915 г., Распутин не преминул упрекнуть его в том, что в Нижнем Новгороде он «даже не дал ему поесть, а у него, Распутина, в кармане тогда было всего 3 рубля»[46]. Более того, Хвостов не только не пригласил старца обедать, но и отказался, несмотря на его просьбу, познакомить Распутина со своей семьей, по причине чего тот ушел из губернаторского дома «рассерженным»[47]. Естественно, губернатор не понравился старцу, который отправил на имя А. А. Вырубовой[48] телеграмму с отрицательным отзывом о Хвостове: «Хотя Бог на нем почиет, но чего-то недостает»[49] (другие варианты телеграммы: «Видел. Молод. Горяч. Подождать

[40] Г. П. Сазонов — С. Ю. Витте. 18 августа 1011 г. // РГИА. Ф. 1622 (граф С. Ю. Витте). Оп. 1. Д. 396. Л. 1 — 2 об.

[41] *Куликов С. В.* Указ. соч. С. 112–114.

[42] Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 88.

[43] *Хвостов А. Н.* Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 161.

[44] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1924. Т. 1. С. 3–5.

[45] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 161.

[46] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т. 4. С. 162.

[47] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 342.

[48] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 161.

[49] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1924. Т. 1. С. 5.

надо. Григорий»[50], «Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть»[51]). Так или иначе, но в телеграмме Распутин отозвался о Хвостове «не лестно»[52]. Свое негативное мнение о губернаторе старец мог донести и лично до Николая II, поскольку 24 августа 1911 г. царь вечером этого дня «видел Григория»[53]. Несмотря на позицию старца, 6 сентября 1911 г., после кончины Столыпина и во время беседы с новым премьером Коковцовым Николай II по-прежнему хотел поставить во главе МВД именно Хвостова[54]. В. С. Дякин полагал, что тогда Хвостова выдвигал религиозно-политический салон графини С. С. Игнатьевой[55], однако обстоятельства беседы опровергают это мнение, подтверждая, что Хвостов являлся личным кандидатом императора.

На вопрос Коковцова «Кого ваше величество изберете министром внутренних дел?», Николай II ответил: «Я уже думал об этом и остановил мой выбор на нижегородском губернаторе Хвостове». Коковцов решительно отверг выбор императора, дал его кандидату крайне отрицательную оценку и попросил у царя паузы для выбора альтернативного кандидата. В письме Николаю II от 10 сентября 1911 г. Коковцов развил обширную мотивировку своего отрицательного отношения к Хвостову, назначение которого, писал премьер монарху, «было бы принято всем общественным мнением и в особенности нашими законодательными учреждениями с полным недоумением и даже недоверием». И вместо кандидата «покойного премьера» Коковцов рекомендовал назначить руководителем МВД государственного секретаря А. А. Макарова. Дезавуирование Хвостова Коковцовым объяснялось тем, что они не были политическими единомышленниками: если губернатор имел репутацию черносотенца, то премьер — «действительного тайного кадета», но именно в кадетах Хвостов, как и Столыпин, видел своих главных политических соперников. Сравнивая стили правления Столыпина и Коковцова и критикуя последнего, Хвостов говорил в мае 1913 г. с трибуны IV Думы: «Другое дело теперь, господа, настали другие времена, и с высоты этой кафедры вместо гордого “не запугаете”, вместо благородного призыва Столыпина, подчиненные министра внутренних дел от крупных до самых маленьких людей... слышат с высоты этой кафедры другой лозунг, — они слышат гимн качающемуся маятнику, они слышат восхваление этому качанию слева направо». «Опасность велика, господа, — заключал Хвостов, намекая на революцию и Коковцова, — и понять ее не могут только люди, скажу я, с помертвевшею душою, люди с этикой биржевых зайцев и с кругозо-

[50] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 88.

[51] *Савич Н. В.* Указ. соч. С. 77.

[52] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 162.

[53] *Николай II.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 588.

[54] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х кн. М., 1992. Кн. 1. С. 418.

[55] *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 12.

ром писцов нотариального архива»[56]. Естественно, отрицательное мнение о Коковцове Хвостов разделял и ранее, очевидно, не делая из этого тайны.

Характерно, что в 1914 г. Коковцов после ухода в отставку вступил, как назначенный член Государственного совета, в Кружок внепартийного объединения[57]. КВО состоял из деятелей, настроенных «если не определенно прогрессивно, то, во всяком случае, либерально»[58] и ориентировавшихся на Группу левых (или Академическую)[59], первую скрипку в которой играли лидеры Кадетской партии[60]. Между тем еще в программной речи, сказанной при вступлении в должность нижегородского губернатора, Хвостов, как и Столыпин, открыто отмежевался от кадетов. Насколько Коковцов был объективен, отвергая в сентябре 1911 г., под надуманными предлогами, кандидатуру Хвостова, видно из того, что впоследствии Белецкому удалось «несколько сблизить» Коковцова и Хвостова[61]. Подразумевая преемника Коковцова на посту министра финансов, Барка, Хвостов в своих показаниях сообщал, что «лично валил его в Государственной думе и потом, главным образом, под влиянием разных сведений, которые получались <...> от Коковцова»[62]. Такова была цена «принципиальности» Коковцова, проявленной им в сентябре 1911 г.

Николай II ответил Коковцову очень быстро, и уже 14 сентября 1911 г. телеграфировал премьеру из Ливадии: «Обдумав содержание Вашего письма, нахожу назначение государственного секретаря Макарова на должность министра внутренних дел вполне подходящим»[63]. Итак, от назначения Хвостова руководителем МВД царь отказался только по просьбе Коковцова, а не по причине отрицательного отзыва Распутина о нижегородском губернаторе — лишнее доказательство того, что старец не оказывал влияния на назначение министров. Тем не менее А. Я. Аврех утверждал, что назначение Хвостова в сентябре 1911 г. «не состоялось только потому», что «он плохо принял Распутина, не поверив в серьезность его миссии»[64] и поскольку Распутин «дал о нем не совсем благоприятный отзыв»[65]. Подтверждение тому, что Распутин «уже оказывал большое

[56] Выступление А. Н. Хвостова. 20 мая 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 1849, 1851.

[57] *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 262.

[58] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 688.

[59] *Кони А. Ф.* С. Ю. Витте // Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1968. Т. 5. С. 259.

[60] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 390.

[61] Допрос С. П. Белецкого. 19 мая 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т. 3. С. 400.

[62] Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1926. Т. 6. С. 88.

[63] *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 417–418, 419–423, 423.

[64] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума (1912–1914). М., 1981. С. 255.

[65] *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 110.

влияние при назначениях на самые высокие посты», В. С. Дякин также видел в том, что старец «воспротивился назначению в сентябре 1911 г. А. Н. Хвостова в МВД»[66]. Анализ источников доказывает безосновательность этих выводов.

Назначение Макарова не означало, что Хвостов попал в опалу, тем не менее он решил иначе: «Когда, через месяц после этого (т.е. после приезда Распутина в Нижний Новгород. — *С. К.*), я приехал сюда (в Петербург. — *С. К.*), то я увидел ко мне совершенно обратное отношение. Я был принят (Николаем II. — *С. К.*) в высшей степени неприязненно, в высшей степени сухо, что, после предшествующих приемов, мне показалось не особенно приятным»[67]. Однако Хвостова подвела память: император мог принять его не ранее 4 января 1912 г., когда записал: «У меня был первый прием — 24 человека, некоторые с короткими докладами»[68]. До этого с начала сентября 1911 г. Николай II безвыездно находился в Ливадии, куда Хвостов не приезжал. Очевидно, в суете многочисленных новогодних приемов царь уделил губернатору недостаточно внимания, из чего он сделал ошибочный вывод об опале. Во время этой встречи монарх, отмечал Хвостов, «не подал мне руки, стал и, глядя в окно, выслушал мой доклад, ни слова не промолвил и кивком головы отпустил меня»[69]. «Это, — вспоминал Хвостов, — послужило основанием того, что тогда казалось странным: я ушел из губернии, пошел в Государственную Думу»[70]. Впрочем, о превращении в депутата нижней палаты талантливый оратор «мечтал» еще при выборах во II Государственную Думу[71]. Неожиданный поворот в карьере Хвостова тем более показателен, что Макаров, по крайней мере внешне, относился к Хвостову положительно. Так, несомненно, именно по представлению Макарова Хвостов 25 марта 1912 г. получил свой первый орден — Св. Владимира 4 ст.

Признанием административных заслуг Хвостова со стороны Макарова стало и то, что в начале сентября 1912 г. он оказался в числе полутора десятков губернаторов (из полусотни), которые участвовали в совещании под председательством Коковцова по поводу проведения предвыборной кампании в IV Государственную Думу. Коковцов вспоминал, что Хвостов резко отличался по сравнению с другими губернаторами «решительностью тона и живостью речи». Лейтмотивом выступления Хвостова было мнение о необходимости активного использования губернаторами в ходе предвыборной кампании административного ресурса. Парируя контрдоводы своих критиков, Хвостов заявил: «Вся наша беда в том, что мы не умеем или не желаем управлять; боимся пользоваться властью, которая находится в наших руках, а потом плачем, что дру-

[66] Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 504.

[67] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1924. Т. 1. С. 4.

[68] *Николай II.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 633.

[69] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 162.

[70] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1924. Т. 1. С. 4.

[71] *Султанов С. М.* Указ. соч.

гие вырвали ее у нас»[72]. Коковцов изобразил дело так, будто выступление Хвостова оказалось каким-то шокирующим диссонансом, однако нижегородский губернатор предлагал провести выборы по-европейски в буквальном смысле слова, поскольку в начале XX в. степень интенсивности правительственного давления на выборы через МВД и местных администраторов не зависела ни от формы правления европейского государства, ни от его политического режима[73]. Бельгийский государствовед Л. Дюприе называл «великим избирателем» и министра внутренних дел Франции[74], и министра внутренних дел Пруссии[75]. В сентябре 1912 г. Хвостов лишь призывал к более активному использованию опыта европейских предвыборных кампаний.

Главный удар во время подготовки и проведения выборов в IV Думу губернатор нанес, писал он 5 сентября 1912 г. министру юстиции И. Г. Щегловитову, по «предвыборной агитации в пользу Конституционно-Демократической партии» и «прогрессистов, т.е. замаскированных кадет»[76], используя максимально широкий арсенал электоральных технологий[77]. Хвостов, по мнению профессионально чуждого политике генерала А. И. Спиридовича, «был полным невеждой в политике»[78]. Доказывая, что в ходе подготовки и проведения выборов Хвостов, наоборот, выказал себя «талантливым политиком», Полянский вспоминал: «Он сделал то, что едва ли удалось бы сделать кому-либо другому. Он в избирательной кампании один выдержал борьбу против всей Нижегородской губернии»[79]. Губернатор сумел провести в IV Думу 6 членов Союза русского народа и одного националиста, хотя ранее, в I–III Думы Нижегородская губерния правых никогда не выбирала[80]. Сам Хвостов был избран в IV Думу 19 октября 1912 г.

[72] *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 92.

[73] *Куликов С. В.* Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения — 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). СПб., 2010. С. 27–28.

[74] *Дюприе Л.* Государство и роль министров во Франции. СПб., 1906. С. 153, 163, 166.

[75] *Дюприе Л.* Государство и роль министров в Пруссии // Дюприе Л. Государство и роль министров в Пруссии. Государство и роль канцлера в Германии. СПб., 1906. С. 62, 64.

[76] Из архива Щегловитова // Красный архив. 1926. Т. 15. С. 108.

[77] Подробнее см.: *Селезнев Ф. А.* Выборы и выбор провинции: Партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 81, 118–122; *Фоменков А. А.* Победа нижегородских черносотенцев на выборах в Государственную думу IV созыва // Проблемы истории политических партий России. Статьи, материалы и тезисы VII Международной научной конференции. Владимир, 2001. С. 48–52; *Царевский С. Н.* Роль Алексея Николаевича Хвостова в победе нижегородских правых на выборах в Государственную думу IV созыва // 100 лет российского парламентаризма: история и современность. Нижний Новгород, 2006. С. 157–160.

[78] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 180.

[79] *Полянский Н. П.* Указ. соч. С. 42.

[80] *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.–СПб., 2013. С. 217.

от Орловской губернии. Первоначально он хотел избираться от Вологодской губернии, однако туда специально приезжал член Совета министра внутренних дел И. Я. Гурлянд и предупредил местную администрацию, что «допускать этого не следует». «Получив эти сведения от вологодской полиции, я, — вспоминал Хвостов, — стал усиленно муссировать слухи о моей кандидатуре в члены Государственной Думы по Вологодской губернии, а между тем через Ветчинина подготовил почву к выбору меня в члены Государственной думы по Орловской, что мне и удалось»[81]. Хвостов имел в виду В. Г. Ветчинина, являвшегося во II Думе членом фракции октябристов, а в III входившего в Русскую национальную фракцию и с 1908 г. — в руководство Всероссийского национального союза[82]. Данный факт подтверждает, что в период нижегородского губернаторства Хвостов, оказывая внешнее покровительство черносотенцам, внутренне сочувствовал националистам, т.е. консервативным либералам[83], если их рассматривать в контексте российского политического спектра 1906–1917 гг.

Гурко, упрощая взгляды Хвостова, полагал, будто он «решил, что скорее добьется своих честолюбивых замыслов, если перейдет в ряды общественности, разумеется, той, которая выставляла на своем знамени беспредельную приверженность самодержавному строю и носителям царской власти»[84]. Однако черносотенные симпатии Хвостова Гурко явно преувеличивал: хотя Хвостов и вступил во фракцию правых, но в конце октября 1912 г. признавался, что ему ближе позиция националистов и ее лидера графа В. А. Бобринского (с которым Хвостов когда-то тесно общался в Туле), нежели «соратников» по депутатскому объединению. Тем не менее, «пока» Хвостов находил «более полезным сесть к крайним правым», но для того, «дабы повлиять на них умиротворяюще». «Если же ему это не удастся, — мотивировал Хвостов свое поведение, — то он перейдет к националистам»[85]. Не случайно к 29 октября 1912 г. в начинавшей работать нижней палате стал намечаться центр, который составили: октябристы, первая фракция умеренно-правых во главе с П. Н. Крупенским (левее националистов), националисты, вторая партия умеренно-правых во главе с Хвостовым (правее националистов). Крупенский, посещая Коковцова 3 ноября 1912 г., предложил ему «программу составления центра». В него, согласно программе, должны были войти октябристы, группа умеренно-правых, организованная Крупенским, националисты во главе с П. Н. Балашевым и вторая группа

[81] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 162.

[82] *Николаев А. Б.* Ветчинин Виталий Георгиевич // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 87–88.

[83] *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 21.

[84] *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 413.

[85] *Соловьев К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 169.

умеренно-правых, организованная Хвостовым, которая заняла бы место между националистами и крайними правыми[86]. Однако такой консервативно-либеральный центр, да еще с участием Хвостова, Коковцова явно не устраивал, что и предопределило невозможность осуществления плана Крупенского.

Несмотря на то что в Думе, открывшейся 15 ноября 1912 г., Хвостов являлся новичком, он уже 20 ноября был избран председателем президиума (совета) правой фракции, затем, очевидно, автоматически, членом Главного совета Союза русского народа (обновленческого), членом Совета Русского собрания, а вскоре — и товарищем его председателя[87]. Здесь, несомненно, помимо прочего сыграла роль особая близость новоиспеченного лидера правых ко Двору. По ходатайству Макарова Хвостов как бывший губернатор 20 ноября представлялся Николаю II и сообщил ему, в противовес объяснениям председателя Думы М. В. Родзянко, избранного голосами левых, собственное мнение о положении вещей в нижней палате и причинах отсутствия в Зале заседания правого крыла при произнесении Родзянко его вступительной речи. В результате политический рейтинг Хвостова поднялся настолько, что в тот же день по возвращении его из Царского Села лидера правых пригласил к себе Коковцов[88].

Во время состоявшегося 12 декабря 1912 г. приема депутатского корпуса в Николаевском зале Зимнего дворца Хвостов отличился тем, что пришел туда с украшенным большим бантом значком Союза русского народа, хотя согласно этикету на мундир не полагалось надевать самодельные ордена и украшения. На вопрос Николая II «Что это за значок?» Хвостов ответил: «Это знак принадлежности к Союзу русского народа». В ответ император, отходя от лидера правых, тихо сказал, пожав плечами: «Странно», после чего Хвостов снял значок[89]. Тем самым его ориентация на умеренно-правых получила высочайшую санкцию, подтвержденную, судя по всему, и во время аудиенции 20 ноября. Думские недоброжелатели Хвостова «не без сарказма» говорили в Таврическом дворце, что Хвостов якобы отрапортовал подошедшему к нему царю: «Ваше величество, я избран председателем Союза русского народа в Государственной Думе и надеюсь и в этой новой роли послужить не щадя сил Вашему величеству». На обращение к нему лидера правых Николай II, не останавливаясь, ответил: «Послужите, послужите»[90]. Очевидно, что более обстоятельно депутат и император могли поговорить во время аудиенции 20 ноября.

[86] Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 9, 12.

[87] *Иванов А. А., Степанов А. Д.* Хвостов Алексей Николаевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 568–570; *Николаев А. Б.* Хвостов Алексей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 658–659.

[88] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 24.

[89] *Родзянко М. В.* Крушение Империи (записки председателя русской Государственной думы) // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 58.

[90] Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 18.

Не всё в думской карьере Хвостова проходило гладко. «В Думе, — вспоминал Хвостов, — встретили меня очень враждебно»[91]. Действительно, октябристы, доносил 6 ноября 1912 г. Л. К. Куманин Коковцову, приступили к собиранию материалов о незакономерных действиях бывшего нижегородского губернатора, прежде всего во время предвыборной кампании[92]. Однако вскоре лидеру правых удалось переломить ситуацию активной деятельностью в комиссиях. «Серьезной работой, — характеризовал Хвостова Курлов, — он в Государственной Думе не выделялся»[93]. Между тем именно по инициативе Хвостова, погасившего в зародыше обструкционистские тенденции среди своих софракционеров, 30 ноября фракция правых единогласно постановила: безотносительно к тому, займут кандидаты правых места в руководстве Думы и ее комиссий или нет, «правые обязаны употребить все свои силы, дабы в комиссиях двигать вперед деловую законодательную работу на благо царя и отечества»[94]. В результате помимо председательствования в совете фракции правых Хвостов был активным членом думских комиссий по запросам, по переселенческому делу, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу и о народном здравии[95]. Но в чем же еще могла выразиться «серьезная работа», в отсутствии которой обвинял Хвостова Курлов?

Подразумевая Думу, Гурко полагал, что Хвостов «никаких особенных талантов здесь не проявляет» и «продолжает выставлять напоказ свою преданность царской власти»[96]. Однако националист А. А. Ознобишин, союзник Хвостова слева, вспоминал, что в роли председателя совета фракции правых он являлся «весьма талантливым и наделенным чувством такта»[97]. Более того, также вопреки мнению Гурко, в отличие от остальных лидеров правых в Думе, Хвостов не стремился быть роялистом более, чем сам король, и избегал показного верноподданничества. Подчеркивая, что в Думе среди правых Хвостов занимал «такую позицию, которая столь выгодно и определенно его выделяла в Таврическом дворце», Султанов отмечал: «Он далек от барабанной патриотической шумихи, он стоит в стороне от скандальных выступлений правых, он избегает касаться политических вопросов, словом, он вносит коррективы личного такта в обиход своей думской фракции, продиктованные моментами определенно чувствуемой брезгливости»[98]. Хвостов специализировался на экономических, а не политических вопросах.

[91] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 162.

[92] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 14.

[93] *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 160.

[94] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 11.

[95] *Николаев А. Б.* Хвостов Алексей Николаевич // Государственная дума Российской империи... С. 658.

[96] *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 413.

[97] *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927. С. 212.

[98] *Султанов С. М.* Указ. соч.

В начале 1913 г. лидер правых подписал заявления о запросе министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву по поводу существования нефтепромышленного синдиката и о вопросе министрам торговли и промышленности и финансов, т.е. Коковцову, о мерах, принимаемых к урегулированию цен на нефтяное топливо.

Дистанцируясь от Совета министров, лидер правых полагал: «...мы, правые, не призваны сюда для того, чтобы бросать цветы перед колесницей того или другого министра, той или другой его политики. Мы призваны, чтобы отстаивать наши исконные заветы, чтобы по мере сил и возможности работать на пользу русского народа, и памятуем, что этим мы служим нашему государю и самодержцу Всероссийскому». Хотя «за последнее пятилетие или десятилетие много министров сменилось в России, — напоминал факты недавнего прошлого оратор, — и что бы сталось с нашей Родиной, если бы мы бежали впереди колесницы каждого из этих министров и устилали ему путь цветами, — что сталось бы, если бы мы рукоплескали доверию князя Святополк-Мирского или радовались талантливой игре в поддавки гофмейстера Булыгина, или, наконец, вместе с графом Витте приветствовали его переговоры с Хрусталевым-Носарем? Никогда мы этого не делали, и в настоящее время, если мы находим политику того или другого министра неправильной... мы по-прежнему будем говорить это, памятуя нашу присягу и наше древнее выражение правых в отношении к своему государю: “наше мнение таково, а воля Твоя, государь”». Последняя фраза не означала призыва к превращению законодательной нижней палаты в законосовещательную хотя бы потому, что, в данном случае критике подвергались «авторы» как законосовещательной, так и законодательной Думы, а лишь подчеркивала особые отношения правых и лично Хвостова с Николаем II.

Поднимая проблему синдикатов, Хвостов выставлял себя и своих софракционеров радетелями о благе не «аграриев», не «богатых людей» и «богатой промышленности», но о «беде мелкого кустаря, мелкой промышленности». Для борьбы с синдикатами Хвостов предлагал принять не чрезвычайные, а законные меры. «Если в государственном организме оказалась такая злокачественная опухоль, как синдикат, которая мешает правильному кровообращению, — говорил он с думской трибуны 5 апреля 1913 г., — мы не просим сейчас эту опухоль вырезать, мы требуем только, чтобы она была обследована рентгеновскими лучами, и этими лучами считаем судебное или сенаторское расследование». Претендуя на выражение интересов простого человека, Хвостов возглашал: «Пусть, говорю я, играют в жмурки представители правительства с представителями синдикатов, но неужели же вы, представители народные, допустите, чтобы эти две силы, объединившись вместе, беззастенчиво стали бы продолжать недавно ими начатую американскую игру в синдикаты, безнаказанно стали бы играть насущным куском хлеба трудящегося человека?»[99].

[99] Выступление А. Н. Хвостова. 5 апреля 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 462, 464, 466–467, 467.

Примечательно, что слова Хвостова вызвали продолжительные аплодисменты не только справа, но и в центре.

Весьма характерна провозглашенная Хвостовым в мае 1913 г. следующая программа руководимой им фракции: «мы требуем самых широких реформ на наших исконных началах: 1) православия — как духа любви к ближнему, умиряющей всю остроту западноевропейской борьбы за существование; 2) самодержавия — как нашей надежды, нашей защиты против засилия банковских консорциумов и промышленных синдикатов, протягивающих свои хищные руки даже к священным твердыням государственной обороны, и 3) русской народности, широкий размах коей создал великое государство и который при помощи русской Государственной Думы будет оплотом этого государства во веки веков»[100]. Вроде бы традиционная уваровская триада получила в устах Хвостова весьма нетрадиционную трактовку. При упоминании «Православия» Хвостов не противопоставлял его другим конфессиям, а делал акцент на социальной функции господствующей церкви. В «Самодержавие» Хвостов вкладывал не столько политическое, сколько экономическое содержание, видя в нем оплот против экспансии финансово-монополистического капитала. Наконец, «Русская народность» была для Хвостова прежде всего этническим фундаментом имперской государственности. Таким образом, от имени фракции правых Хвостов, по сути дела, выдвигал консервативно-либеральную программу в духе национализма.

Умеряющее воздействие Хвостова сказывалось не только в его программных выступлениях, но и непосредственно в ходе руководства фракцией, тактику которой пытались радикализовать правые деятели с мест, из-за чего в кадетских и октябристских газетах появилась информация, будто фракция и ее совет «намерены стремиться к роспуску Государственной Думы 4-го созыва». На заседании 3 марта 1913 г. фракция «без всякого колебания, постановила вопроса этого не обсуждать, ибо роспуск Думы всецело зависит от непосредственного усмотрения государя императора». Более того, в особом сообщении от совета фракции Хвостов объявил, что обсуждению правых не подвергались «ни вопросы о совершенном упразднении Государственной Думы, ни об изменении Основных законов вообще»[101]. Тем самым Хвостов дистанцировался от ортодоксальных черносотенцев, ратовавших за ликвидацию консервативно-либерального политического режима, учрежденного в 1906 г. Хвостов не являлся и противником политических прав и свобод, в частности — свободы печати, хотя и выступал против злоупотреблений этой свободой. «Мы, — говорил он в мае 1913 г., — стоим, господа, за то, чтобы железной рукой было остановлено оплевание наших святынь народных революционною печатью, но вместе с тем

[100] Выступление А. Н. Хвостова. 20 мая 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 1850.

[101] *Хвостов А. Н.* От Совета Фракции правых. 3 марта 1913 г. // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1998. С. 323–324.

мы требуем, чтобы звоном и светом честной гласности были оздоровлены все уголки государственного строительства»[102].

А. Я. Аврех утверждал, что Хвостов «по сравнению со своими шумными соратниками — Марковым, Пуришкевичем и др. — выглядел весьма бледно»[103], с чем согласиться никак нельзя, поскольку уже к марту 1913 г. фракция правых разделилась на «зарвавшихся марковцев» и «умеренных хвостовцев»[104]. Разногласия между сторонниками Н. Е. Маркова-2-го и Хвостова достигли такого накала, что 6 марта 1913 г. в кулуарах Думы «упорно держался слух», будто Хвостов вообще выходит из состава этой фракции, поскольку несогласен с тактикой правых. Действительно, на следующий день, 7 марта, Хвостов и его давний соратник Барач обратились к секретарю фракции националистов Д. Н. Чихачеву с заявлением о том, что «они и их единомышленники, составляющие во Фракции правых самостоятельную умеренно-правую группу, желали бы выйти из состава Фракции правых и присоединиться к Русской национальной группе, так как они решительно не сочувствуют тому процессу самоумерщвления, на путь которого вступают непримиримые правые. Группа умеренно-правых, будучи группой глубоко консервативной, в то же время является группой конституционной, и потому считает, что ей не место среди членов Фракции правых». Единственное условие, которое умеренно-правая группа Хвостова ставила перед националистами, состояла в пополнении совета фракции националистов товарищем его председателя, избранного умеренно-правой группой. О своем заявлении Хвостов и Барач просили Чихачева довести до сведения его фракции и сообщить им в ближайшем будущем ответ националистов[105].

В тот же день, 7 марта, Куманин доносил, что «привилегированное положение непримиримых правых вызывает глубокое недовольство так называемых умеренно-правых во главе с Хвостовым», который считал влияние на непримиримых со стороны «группы князя Мещерского» «несовместимым с сохранением достоинства Думы». «Во Фракции правых в связи с переговорами по поводу образования думского большинства, — сообщал Куманин 9 марта, — наблюдаются два течения: одно — во главе с Марковым-2-м и Замысловским — доказывает необходимость железной последовательности и полной непримиримости; все справедливые требования правых должны быть выполнены без всяких компромиссов; второе течение — во главе с Хвостовым и Барачем — доказывает необходимость примирительной тактики, так как при общей конъюнктуре данного дня непримиримость заставит большинство обойтись без правых и вышвырнуть их за борт. Говорят, что Хвостов и его ближайшие

[102] Выступление А. Н. Хвостова. 20 мая 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 1851.

[103] *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения... С. 110.

[104] *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной Думе. Большевистская фракция в Государственной Думе и революционное движение в Петербурге. М., 1937. С. 49.

[105] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 6, 7.

политические друзья не желают оказаться изолированными. Отсюда вновь возникает опасность раскола во Фракции правых». Опасность раскола замаячила снова 11 марта, когда во время проходивших под эгидой председателя Фракции националистов П. Н. Балашева переговоров о создании думского большинства между Хвостовым и Г. Г. Замысловским «произошли разногласия»[106].

В отличие от первой группы (Маркова-2-го и Замысловского), стоявшей на позициях полной непримиримости, вторая группа (Хвостова и Барача) выступала за сотрудничество правых с националистами, центром и октябристами и создание правооктябристского большинства, на которое опирался и Столыпин. Ошибались поэтому Г. М. Катков, отмечавший, что среди правых парламентариев Хвостов был «один из самых реакционных»[107], и Е. Д. Черменский, характеризовавший Хвостова-депутата как «крайнего черносотенца»[108]. Более того, Хвостов не отказывался и от диалога даже с лидерами левого крыла Думы: выступая в ней в мае 1913 г. и подразумевая революцию, он соглашался с кадетом Ф. И. Родичевым и трудовиком А. Ф. Керенским, что «грозная минута опасности» — «не за горами», и находил точки соприкосновения между своими взглядами и воззрениями политических оппонентов: «Опасность, повторяю я, велика, демократическая волна растет и она может смыть, господа, вместе с тем не нравящимся, может быть, вам правовым нашим строем и то, что нам дорого, что и вам свято — величие нашей родины, и, господа, если против этой волны ставить заслоном только одну канцелярскую мертвечину, то наша родина погибнет. Мы, правые, требуем, чтобы эта волна была направлена в русло, которое поведет к величию России»[109].

В июне 1913 г. Хвостов решил от слов перейти к делу, запланировав совместно с Барачем отколоть от фракции правых до 50-ти человек и официально перейти с ними во фракцию националистов. Однако противником этого плана оказался помимо Маркова-2-го и Балашев, опасавшийся, что в результате расстроятся союзные отношения его фракции с правыми. «Ввиду слишком сдержанного отношения националистов к вопросу о приеме в свою среду откалывающихся членов Фракции правых, — доносил Куманин 17 июня, — Барач заявляет, что он уговорит Хвостова также выйти из состава фракции правых и встать во главе новой группы, численность которой дойдет почти до 45 человек». Однако 18 июня дело ограничилось тем, что от правых к националистам перешел один Барач. В это время думские аналитики прогнозировали, что к осени 1913 г. из фракции правых к националистам перейдут «20 человек интеллигентов» и «от 25 до 30 священников и крестьян»! Хвостов также намеревался выйти из фракции правых, но в течение 2–3 месяцев планировал числиться беспартийным, а затем собирался «при-

[106] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 9, 11.

[107] *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 1997. С. 211.

[108] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 132.

[109] Выступление А. Н. Хвостова. 20 мая 1913 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Стлб. 1849, 1850.

нять честь избрания в товарищи председателя Русской национальной фракции» и встать во главе выделившейся из фракции правых группы умеренно-правых, которая и во фракции националистов должна была сохранить полуавтономное положение. Националисты надеялись, что с осуществлением этой перегруппировки их общая численность достигла бы 130–140 человек, и тем самым они бы получили возможность вместе с группой центра и октябристами образовать «столь необходимое Гос. думе прочное перманентное большинство»[110]. Хвостов хотя и остался во фракции правых, но «несколько отодвинулся» от Маркова-2-го и пересел на одну скамью ближе к центру. «С правыми, — писал современник о Хвостове, — он не порвал, но стал держаться от них в стороне»[111]. Разделяя консервативно-либеральные взгляды в духе национализма, Хвостов оказался своим среди чужих и чужим среди своих.

Оппозиционное поведение Хвостова по отношению к Маркову-2-му поставило на повестку дня вопрос об устранении Хвостова с поста председателя фракции правых. В. С. Дякин полагал, что Хвостов снял с себя председательство, «чтобы не быть связанным фракционной дисциплиной»[112]. На самом деле уход Хвостова с поста председателя «по собственному желанию» являлся вынужденным, так как идейные разногласия между ним и марковцами к 28 октября 1913 г. обострились окончательно, и сторонники Маркова говорили открыто, что ввиду «недостаточной преданности Хвостова правым идеалам и ввиду отъезда его из Петербурга следовало бы подумать об избрании нового председателя Фракции», которым намечался С. В. Левашев[113]. Судя по всему, именно с этого времени Хвостов, по наблюдениям П. П. Кобылинского, «ко всем вопросам» «подходил не только справа, но и слева»[114]. Характерно, что полевение Хвостова не изменило к нему благоволения Николая II, который 8 января 1914 г. наградил депутата чином действительного статского советника «за труды по земским учреждениям — по случаю 50-летнего их юбилея»[115], и таким образом уже на 42-м году жизни Хвостов стал «статским генералом». Царское благоволение простиралось и на ближайших родственников камергера. В конце 1913 г., после смерти отца Хвостова, царь удовлетворил ходатайство его сестры, фрейлины «их величеств», об оказании ей ежегодной материальной помощи в виде «2000 руб. до замужества»[116].

Поздней весной 1914 г. наступила неизбежная развязка. «Между председа-

[110] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 23.

[111] А. Н. Хвостов // Вечернее время. 1915. 26 сентября.

[112] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 128.

[113] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25.

[114] Мнения членов Государственной думы и Совета // Утро России. 1915. 28 сентября.

[115] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: библиогр. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 707.

[116] Всеподданнейший доклад М. Г. Акимова. Не ранее 27 декабря 1913 г. // РГИА. Ф. 1162 (Государственная канцелярия). Оп. 6. Д. 584. Л. 196.

телем Фракции правых Хвостовым и остальными руководителями этой Фракции, — сообщал Куманин 10 мая, — произошли резкие разногласия на почве несогласия руководителей фракционной политики с проектированными Хвостовым оппозиционными выступлениями во время бюджетных прений. Ввиду этих разногласий Хвостов подал в Бюро Фракции заявление об отказе от председательствования во Фракции. Ныне председателем Фракции правых избран профессор Левашев». «После отказа от председательствования, — доносил Куманин 18 июня 1914 г., — Хвостов перестал посещать Думу и уехал к себе в деревню». Бунт Хвостова против софракционеров объяснялся тем, что он безуспешно требовал от фракции правых «более яркой тактики», считая необходимым, чтобы фракция «“громила правительство” за бледность, вялость и недостаток инициативы», однако члены фракции за Хвостовым «не пошли» и ему «пришлось уйти из Фракции»[117].

Со вступлением России в июле 1914 г. в Первую мировую войну Хвостов полевел еще более, поскольку демонстративно протянул руку «в сторону к умеренным прогрессивным деятелям»[118]. Дело не ограничилось одними жестами — Хвостов и П. Н. Милюков оказались на одном извозчике, когда депутация от всех фракций нижней палаты направилась к фактическому премьеру А. В. Кривошеину, чтобы протестовать против плана министра внутренних дел Н. А. Маклакова не созывать Думу до осени 1915 г. «Как бы подчеркивая единодушие всей Думы, — вспоминал Милюков о своем демарше с Хвостовым, — мы выступили двумя первыми ораторами»[119]. В результате Кривошеин обещал, что Дума будет созвана как минимум не позднее 1 февраля 1915 г.[120] Подводя итоги политической эволюции, проделанной Хвостовым к 1915 г., Султанов отмечал, что в нем «нет резкой угловатости и дешевого шумливого озорства» его соратников по правой фракции, с которыми «он разошелся в последнее время, всегда подчеркивая некоторую разделяющую их грань»[121]. Характеризуя политические взгляды Хвостова периода войны, недавний товарищ председателя Думы князь В. М. Волконский говорил 29 сентября 1915 г. великому князю Андрею Владимировичу: «Он правый, но разумно, к обстоятельствам умеет применяться»[122]. В мае 1915 г. Хвостов был исключен из совета Русского собрания, формально как нарушитель его устава, поскольку пропустил 12 заседаний подряд, фактически — как политик, возвращавшийся в какой-то мере на либеральные круги своя.

References

[117] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 18, 28.

[118] *Султанов С. М.* Указ. соч.

[119] *Милюков П. Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 164.

[120] *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 17–18.

[121] *Султанов С. М.* Указ. соч.

[122] *Андрей Владимирович, вел. кн.* Военный дневник (1914–1917). М., 2008. С. 192.

Avreh A. Ya. Tsarizm i IV Duma (1912–1914). M., 1981.

Avreh A. Ya. Raspad treteiyunskoy sistemyi. M., 1985.

Avreh A. Ya. Tsarizm nakanune sverzheniya. M., 1989.

Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyivaet... Vospominaniya predsedatelya Gosudarstvennoy dumyi i voennogo ministra Vremennogo pravitelstva. M., 1993.

Andrey Vladimirovich, vel. kn. Voennyiy dnevnik (1914–1917). M., 2008.

Badaev A. E. Bolsheviki v Gosudarstvennoy dume. Bolshevistskaya fraktsiya v Gosudarstvennoy dume i revolyutsionnoe dvizhenie v Peterburge. M., 1937.

Bark P. L. Vospominaniya // Vozrozhdenie. 1966. Kn. 175.

Bogdanovich A. V. Tri poslednih samoderzhtsa. M., 1990.

Chermenskiy E. D. IV Gosudarstvennaya duma i sverzhenie tsarizma v Rossii. M., 1976.

Gurko V. I. Tsar i tsaritsa // Nikolay Vtoroy. Vospominaniya. Dnevniki. SPb., 1994.

Gurko V. I. Chertyi i siluetyi proshlogo. Pravitelstvo i obschestvennost v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika. M., 2000.

Demin V. A. Verhnyaya palata Rossiyskoy imperii. 1906–1917. M., 2006.

Dyuprie L. Gosudarstvo i rol ministrov v Prussii // Dyuprie L. Gosudarstvo i rol ministrov v Prussii. Gosudarstvo i rol kantslera v Germanii. SPb., 1906.

Dyuprie L. Gosudarstvo i rol ministrov vo Frantsii. SPb., 1906.

Dyakin V. S. Russkaya burzhuaziya i tsarizm v godyi Pervoy mirovoy voynyi (1914–1917). L., 1967.

Dyakin V. S. Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie treteiyunskoy sistemyi. L., 1988.

Fomenkov A. A. Pobeda nizhegorodskih chernosotentsev na vyiborah v Gosudarstvennuyu dumu IV sozyiva // Problemyi istorii politicheskih partiy Rossii. Stati, materialyi i tezisyi VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vladimir, 2001.

Hvostov A. N. Iz vospominaniy // Golos minuvshego. 1923. № 2.

Hvostov A. N. Ot Soveta Fraktsii pravyih. 3 marta 1913 g. // Pravyie partii. 1905–1917. Dokumentyi i materialyi. V 2-h t. M., 1998. T. 2.

Ivanov A. A. Pravyie v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). M.–SPb., 2013.

Iskenderov A. A. Zakat Imperii. M., 2001.

Katkov G. M. Fevralskaya revolyutsiya. M., 1997.

Kovalevskiy M. M. Moya zhizn. Vospominaniya. M., 2005.

Kokovtsov V. N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 gg. V 2-h kn. M., 1992.

Koni A. F. S. Yu. Vitte // Koni A. F. Sobranie sochineniy v 8-mi t. M., 1968. T. 5.

Kotsyubinskiy D. A. Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel ideologii Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza. M., 2001.

Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917. L., 1984.

Kryizhanovskiy S. E. Vospominaniya. Iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii. SPb., 2009.

Kulikov S. V. Narodnoe predstavitelstvo Rossiyskoy imperii (1906–1917 gg.) v kontekste mirovogo konstitutsionalizma nachala XX v.: sravnitelnyiy analiz // Tavricheskie chteniya — 2009. Aktualnyie problemyi istorii parlamentarizma v Rossii (1906–1917 gg.). SPb., 2010.

Kulikov S. V. Neydgart (Neydgardt) Aleksey Borisovich // Gosudarstvennyiy sovet Rossiyskoy imperii Rossiyskoy imperii. 1906–1917. Entsiklopediya. M., 2008.

Kulikov S. V. Stolyipin i Nikolay II: sopernichestvo ili sotrudnichestvo // P. A. Stolyipin

i istoricheskiy opyit reform v Rossii. K 100-letiyu so dnya gibeli P. A. Stolyipina. M., 2012.

Kurlov P. G. Gibel imperatorskoy Rossii. M., 1991.

Makarov I. A. Gubernatoryi i politsmeysteryi. Nizhniy Novgorod, 2005.

Milyukov P. N. Vospominaniya. V 2-h t. M., 1990.

Nikolaev A. B. Vetchinin Vitaliy Georgievich // Gosudarstvennaya duma Rossiyskoy imperii. 1906–1917. Entsiklopediya. M., 2008.

Nikolaev A. B. Hvostov Aleksey Nikolaevich // Gosudarstvennaya duma Rossiyskoy imperii: 1906–1917. Entsiklopediya. M., 2008.

Nikolay II. Dnevniki (1894–1918). V 2-h t. M., 2013.

Oznobishin A. A. Vospominaniya chlena IV Gosudarstvennoy dumyi. Parizh, 1927.

Polyanskiy N. P. Nizhegorodskie vospominaniya bankira. Nizhniy Novgorod 1909–1918. SPb., 1998.

Rodzyanko M. V. Krushenie Imperii (zapiski predsedatelya russkoy Gosudarstvennoy dumyi) // Arhiv russkoy revolyutsii. 1926. T. 17.

Sablin N. V. Desyat let na imperatorskoy yahte «Shtandart». SPb., 2008.

Savich N. V. Vospominaniya. SPb.–Dyusseldorf, 1993.

Sadovskoy B. A. Zapiski (1881–1916) // Rossiyskiy arhiv. 1991. T. 1.

Seleznev F. A. Vyiboryi i vyibor provintsii: Partiya kadetov v Nizhegorodskom krae (1905–1917 gg.). Nizhniy Novgorod, 2001.

Solovev K. A. Zakonodatelnaya i ispolnitelnaya vlast v Rossii: mehanizmyi vzaimodeystviya (1906–1914). M., 2011.

Spiridovich A. I. Velikaya voyna i Fevralskaya revolyutsiya. Vospominaniya. Minsk, 2004.

Sultanov S. M. A. N. Hvostov (Pismo iz Moskvyi) // Birzhevyie vedomosti. 1915. 7 oktyabrya.

Tolstoy I. I. Dnevnik v 2-h t. SPb., 2010.

Tsarevskiy S. N. Rol Alekseya Nikolaevicha Hvostova v pobede nizhegorodskih pravyih na vyiborah v Gosudarstvennuyu dumu IV sozyiva // 100 let rossiyskogo parlamentarizma: istoriya i sovremennost. Nizhniy Novgorod, 2006.

[*Vitte S. Yu.*] Iz arhiva S. Yu. Vitte. Vospominaniya. Rasskazyi v stenograficheskoy zapisi. Rukopisnyie zametki. V 2-h t. SPb., 2003.

Vyirubova A. A. Stranitsyi moey zhizni // Vernaya Bogu, Tsaryu i Otechestvu. Anna Aleksandrovna Taneeva (Vyirubova) — monahinya Mariya. SPb., 2005.